

МИФ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Яковлева Елена Людвиговна

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
(г. Казань, Россия).

Аннотация

Объектом исследования стал миф, интерпретируемый в качестве экзистенциала человеческого бытия. Выступая в качестве мощного средства защиты от страховенности бытия-в-мире, он помогает личности понять мир, его закономерности, открыть себя и смыслы собственной жизни. Ключевую смысловую нагрузку в мифе несут пограничные ситуации, связанные с решением вопросов добра и зла, жизни и смерти, счастья и невзгод. Их осмысление способствует трансцендированию и расширению возможностей личности. В современности миф претерпел определенные трансформации. Из мощного онтологического феномена он превращается в мифизации, образующие пустоты в индивидуальном бытии-в-мире. В этих мифизациях теряются цельность сюжетной линии и пограничные ситуации, что разрушает духовную работу индивида и приводит его существование к кризисности. Перечисленное ставит проблему реального событийствования, что послужит почвой для создания позитивного мифа, конструирующего личность и ее бытие-в-мире.

Ключевые слова: миф; экзистенциал; трансцендирование; пограничная ситуация; мифизации

MYTH AS THE EXISTENTIAL OF HUMAN EXISTENCE

Iakovleva Elena Ludvigovna

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Abstract

The object of the study was a myth interpreted as the existential of human existence. Acting as a powerful means of protection against the fearfulness of being-in-the-world, it helps the individual to understand the world, its laws, to discover himself and the meaning of his own life. The key semantic load in the myth is carried by borderline situations related to the solution of issues of good and evil, life and death, happiness and adversity. Their comprehension contributes to the transcendence and expansion of the individual's capabilities. In modern times, the myth has undergone certain transformations. From a powerful ontological phenomenon, it turns into mythicizations that form voids in the individual being-in-the-world. In these mythicizations, the integrity of the storyline and borderline situations are lost, which destroys the spiritual work of the individual and leads his existence to a crisis. The above raises the problem of real event-making, which will serve as the basis for creating a positive myth that constructs the personality and its being-in-the-world.

Keywords: myth; existential; transcendence; borderline situation; mythicizations

Введение

К числу художественно-выразительных средств, помогающих личности заявить о себе, можно отнести миф. Сопровождая человечество с древнейших страниц его истории, он прошел через все культурные эпохи. Неслучайно сегодня,

характеризуя миф, его можно назвать вечной символической формой. Миф задан человеческому бытию, играя роль необходимого экзистенциала. Личность живет в мифах, постоянно продуцирует их, мыслит ими. Привлекательной характеристикой мифа является то, что в его форму можно внести любое (архетипическое) содержание. Но при этом современный миф противоречив, что оказывает неоднозначное воздействие на личность. Данный факт стимулирует анализ мифа как экзистенциала человеческого бытия и его трансформаций в современности.

Методы

Основным методом исследования стал феноменологический. Он позволил изучить и проанализировать миф в качестве экзистенциала бытия личности, вскрывая специфические черты, и выявить его изменения в современности.

Литературный обзор

Интерес к исследованию мифа и особенностям мифотворчества начали проявлять с глубокой древности. В беглом и неполном обзоре выделим некоторые концепции мифа, имеющие место в наших дальнейших рассуждениях. Еще Аристотель в своей «Поэтике» обратил внимание на событийность мифа, которая может вариативно кочевать из одного повествования в другое. Эпикурейцы рассуждали о преобразовании посредством воображения реальных событий в миф, что способствовало появлению культа героев. При этом в контексте мифа герой уподоблялся богу, что свидетельствовало о своеобразном трансцендировании как духовном опыте выхода из себя и обнаружения Я в ином проявлении. Стоики возвели миф в бытийную категорию, что стало отправной точкой к его онтологизации. Ф.В.Й. Шеллинг, трактуя миф как *бессознательную бесконечность*, подчеркивал, что, благодаря ему у человека появляется вера в возможность осуществления фантазийного. По Г.В.Ф. Гегелю, миф есть чувственно-образная форма постижения истины и мира. Э. Кассирер считал, что в становлении мифологического содержания вырисовывается личное Я и происходит кристаллизация (о)сознания (о сущем). Миф как форма жизни оказывается истоком принципа *человек – это миф, а миф – это человек*. По мнению Э. Левинаса, миф онтологичен, а бытие мифично. Но в своей онтологичности миф противоречив. Он одновременно демонстрирует безграничность бытия и его ограниченность как *тёмную основу существования* [4, с. 36]. Миф являет Нечто и его Ничто, оборачивая Ничто в Нечто, что актуализируется в современных личных мифизациях.

Результаты и обсуждение

Бытие индивида изначально неопределенно и не структурировано для него, что способствует появлению психологического напряжения в связи с ощущением заброшенности в мир и угрожаемости последнего. Данный психологический дискомфорт сопровождается чувством страха, отчаяния, ужаса, тоски, тошноты, одиночества. Ощущая (явно/неосознанно) безразличие и жест(о)кость бытия в мире (по А. Камю), высвечивающуюся в нем неподлинность и потерю свободы (по Ж.-П. Сартру), отсутствие смыслов (по К. Ясперсу), индивид испытывает неуютность в жизни и неудовлетворенность собой. В рамках неизвестности личность пытается связать в единую цепочку случайные ситуации и закономерные события, происходящие вокруг/с ней, что создает почву для мифотворчества. В нем пересекаются бытийное и рациональное/сознательное (по М. Хайдеггеру, Dasein), потаенное и открытое, переработанное ресурсами воображения. Фантазийно-реалистичные тексты мифа выступают в качестве подручного сущего, близкого

человеческому существованию: они раскрывают бытийно-непостижимое, уменьшая силу страха перед ним. Миф способствует настроенности на мир, собственное бытие-в-мире и выход/выступление в бытие как трансцендирование. В мифе демонстрируется внутримировое сущее и особенности бытия-в-мире, обладающие свечением божественного/чудесного. Благодаря мифу открывается вечность божественного, временность личного существования и (частичное) понимание этого. Неслучайно о мифе можно говорить, как о ключевом *экзистенциале* человеческого существования, к которому индивид постоянно возвращается.

Миф как экзистенциал задает содержательные, ценностные и целевые основания бытию личности. Он помогает прояснить человеку не только структурную и событийную организацию мира, но и индивидуальное бытие-в-мире, предстать перед бытием, стимулируя развитие и смысложизненные поиски. Круг вопросов, решаемых в мифах, оказывается довольно широким. Он связан с многообразными аспектами бытийствования индивида, в том числе с проблемами жизни и смерти, добра и зла, любви и ненависти, героизма и предательства, безмятежности и испытаний, счастья и невзгод. Именно миф при осознании его содержания выводит человека за пределы собственного мышления, помогает перенести оптику (сравнительного) взгляда с героем/богом на свою жизнь и ощутить самобытие: себя в качестве непохожей ни на кого реальности, в качестве подлинного Я, существующего с Другими. Посредством ситуативного пере(про)живания мифа *здесь-и-сейчас* личность приобретает экзистенциальный опыт и творит собственную историю, благодаря чему ее бытие-в-мире насыщается эмоциями, знаниями, навыками и смыслами, обладающими ценностным значением. Миф как экзистенциал выступает для индивида в качестве мощного конструирующего средства, играя роль откровения бытия, в том числе бытия-в-мире. Вечность мифа и тяга к мифотворчеству свидетельствуют о метафизической привязанности индивида к Нечто/существующему и Ничто/фантазийному, что задает динамику его саморазвитию, самоуглублению, самопостижению и обретению смысла бытия, а также расширению границ Я. Индивид приходит «к своему существованию только через причастность миру, в котором я действую; я – только звено, и всё же я, в возможности, объемлю собою целое» [7, с. 52].

Посредством содержательной онтологичности мифа личность определяет свои границы в социокультурном пространстве, формирует Я и познает его, пере(про)живает событийность происходящего. Но при этом индивид стремится к *трансцендированию* как возможности расширения пространств с целью обретения смыслов и свободного осуществления собственных потенций. В мифе «парение посредством выхода за пределы всего фиксирующего бытие познания мира (в качестве философской ориентации в мире)... апеллирует к своей свободе (в качестве прояснения существования) и создает пространство для своей безусловной деятельности в заклинании трансценденции (в качестве метафизики)» [6, с. 387]. Осмысляя содержательное пространство мифа, в том числе путем переноса в него Я, личность не только определяет свое место в бытии, но и пытается преодолеть заданные границы и совершить *прыжок в/через бездну* (С. Кьеркегор). Этому способствует фантазийное начало мифа, содержащее в себе *возможности*, заключенные в самом Я и за его пределами, в том числе временными, нацеленными на будущее. Фантазийная безграничность возможностей проявления Я в мифе вселяет при интерпретации определенный

оптимизм в личность, преодолевающей заброшенность. Миф помогает превзойти заданные границы бытия, раздвигая их в бесконечность. Открывая личности ее *бытие-вперед-Я*, миф способствует преодолению страха конечности бытия, ставящего финальную точку в истории индивида. В желании трансцендирования воплощаются мечты о свободе, идеальном и абсолютном бытии/Я. Парадокс заключается в том, что трансцендирование, выводя за пределы, способствует преодолению Я и возвращению к себе, но в преображенном виде. Как подчеркнул К. Ясперс, индивид «заклинает бытие как его скрытую трансцендентность», выступающую «смыслом этого пути» [6, с. 379]. В этом же русле размышлял и М. Мамардашвили, заметив, «те основания, которые мы под себя как бы подкладываем, чтобы стать людьми, ищутся через выход человека за свои собственные природные рамки или границы» [5, с. 59].

Осознание предела в мифе рождает «возможность его преступить» и восстановить свою самость [1, с. 340]. Особое место, как в жизни, так и в мифе, имеют драматические события, которые играют роль *пограничных ситуаций*, помогающих напряжением и усилием воли расширить Я и переоткрыть себя, углубив пространства бытия. В содержании мифа пограничная ситуация оказывается центром повествования, буквально захватывая героя/интерпретирующего индивида в динамичный процесс, связанный с ее разрешением и избавлением от дискомфорта (страданий/отчаяния/страха/ужаса). Пограничная ситуация как внешнее событие мобилизует внутренние ресурсы героя/интерпретирующей личности, заставляя пере(про)живать ее, быть активным и действовать *здесь-и-сейчас*. В пограничных ситуациях как значимых событиях мифа происходит внутреннее озарение не только героя, но и интерпретирующей личности, осознающей сложность ситуации, делающей свободный выбор и несущей ответственность за него. Пере(про)живание пограничной ситуации свидетельствует о трансцендировании, то есть переступании ее границ и обретении смыслов/Я. Миф вбирает в себя экзистенциальный опыт личности, демонстрируя его посредством «переживания, которое отражает контакт субъекта с миром во всех ситуациях человеческой жизни» [3]. Благодаря этому индивид может провозгласить: «Я емь то, чем я становлюсь; не то, в качестве чего я пассивно расту, подобно простой жизни, но то, в качестве чего я, приходя к себе самому в среде саморефлексии, хочу себя самого» [7, с. 17].

Встает проблемный вопрос: что характерно для мифов как экзистенциалов бытия современной личности? Однозначного ответа на данный вопрос мы не найдем. Дело в том, что сегодня миф выступает для индивида одновременно в качестве положительного и отрицательного экзистенциала, что требует прояснения ситуации.

В современном социокультурном пространстве наблюдается интенсивное использование мифа и его элементов. Человек современности постоянно продуцирует мифы и нуждается в мифологических пространствах. Другое дело, что в отличие от древних современные мифы претерпели значительные трансформации. Они преобразовались из мощного проекта (космогонической, этиологической, эсхатологической или героической направленности) в индивидуальные *мифизации* как разновидности деградировавших теогонических и культовых мифов. В них акценты сместились на утверждение Я в качестве земного бога/богини и демонстрацию связанных с этим ритуалов/незначительных событий. Древний миф, обладавший сложным содержанием, пограничными ситуациями и

символизмом, преобразовался в личные мифизации на основе клишированных текстов, посредством которых современный индивид, фиксируя незначительные или выдуманные эпизоды из собственной жизни, пытается самоутвердиться в глазах Других.

В мифизациях, следующих модным тенденциям, личность постоянно создает себя и разрушает, что не способствует ее гармонизации. Пытаясь скрыть в них собственные страхи, неуверенность и тревожность, человек обнажает их, оставляя открытыми. Более того, личность оказывается неспособной противостоять страхам/тревогам/тоске/ужасу и разрешать жизненные ситуации, связанные с негативными/деструктивными переживаниями. Объясняется сложившееся положение дел, в том числе, посредством деградации мифа как экзистенциала. В современных мифизациях утрачена генерализирующая линия сюжетного развития, связанная с последовательной событийностью и пограничными ситуациями, помогающими осуществить трансцендирование с обретением ценностей и смысла жизни. Как правило, мифизации демонстрируют малозначимые фрагменты из жизни личности, в которых преобладает фантазийность, постановочность, лицемерная театральность. Они стирают реальную жизнь личности, создавая иллюзию счастливого/успешного/роскошного существования. В рамках подобной стратегии миф не подражает жизни, а, наоборот, жизнь стараются подстроить под миф, что нередко выглядит нелепо/симулятивно/комично и свидетельствует о неадекватности личности действительности.

Мифизация представляет собой небольшой фантазийный фрагмент из жизни личности, соответствующий актуальным/модным тенденциям, чаще всего задаваемым медийными лицами. Вереница мифизированных фрагментов, где отсутствует смысловое единство, дробит жизнь индивида, проходящую без событийности и пограничных ситуаций. Недостаток глубоко содержания и символизма в мифизациях компенсируется визуальными компонентами, преувеличенными эмоциями и знаками брендов, преподнесенными посредством программ в технических устройствах. Мифизации создают иллюзию удовлетворения потребности в самореализации, потакая желаниям индивида. Они в большей степени оказываются показателем самолюбования, создавая видимость возвышения личности, что приносит ей мимолетное удовольствие. Самовыражаясь и самоутверждаясь посредством мифизаций, индивид демонстрирует свое непостоянство и жажду обновлений, согласно современным тенденциям. Стремясь к новым горизонтам и расширению своих возможностей, личность меняется только внешне, не осуществляя внутренней духовной работы над собой и осмысления происходящего в собственной жизни. Посредством мифизаций современный индивид пытается выразить собственное Я, не желая при этом заниматься самопознанием, смысловыми поисками и постановкой проблематично-философских вопросов о собственных бытийных проявлениях. В результате этого в современных мифизациях как экзистенциалах бытия оказывается утерянным элемент трансцендирования, что не структурирует личность и делает ее растерянной, фрагментарной. Современный индивид в большей степени позиционирует себя как дивид.

Более того, визуальная фиксация мифизаций на основе клише, задаваемых медийными лицами, приводит не к запоминанию, а к быстрому забыванию/стиранию из бытия-в-мире мифологического Ничто/фантазийного/несуществующего. Отчужденное восприятие себя и Других не

способствует выстраиванию полноценного диалога между мифами, деградируя при коммуницировании в лицемерность, что приводит к появлению ощущения тотального одиночества. Поверхностное и рассредоточенное восприятие происходящего делает ускользающими знаковые события и пограничные ситуации, а сам индивид, попадая в них, оставляет их открытыми/нерешенными/незамеченными.

Фиксируя в мифизациях несуществующее, личность увеличивает пустоты и разрывы в своей жизни, постоянно прерывая собственную историю и нарушая связь между прошлым, настоящим и будущим. Пускаемые в тираж мифизации претендуют на внимание со стороны Других и оценивание *незначимой значимости* личности. Но Ничтожность современных мифизаций не остается в памяти, не подвергается осмыслению, не способствует приобретению опыта. Как известно, «человеческое бытие наполнено событиями, отсутствие событий – признак биологической смерти или психологического умирания» [2, с. 111]. К этим мифизированно-отсутствующим событиям индивид относится отчужденно. Не получая конкретного опыта и не осмысляя происходящее, человек теряет способность пере(про)живать ситуацию, а значит – трансцендировать. Подобное делает личность неполноценной и несамодостаточной, что позволяет говорить о неполноте ее бытия, в котором отсутствуют смысложизненные поиски, пограничные ситуации и трансцендирование.

Заключение

Миф задан человеческому бытию, представляя собой один из экзистенциалов. В его событийном повествовании обнаруживается взаимосвязь реального и фантазийного. Многоаспектное и архетипическое содержание мифа позволяет понять бытие и индивидуальное бытие-в-мире, помогает личности в смысложизненных поисках обрести Я/уверенность в себе, трансцендировать, расширяя собственные возможности в пограничных ситуациях, поддерживать мечту об улучшении жизни. Возвышение Я до уровня героя/бога, свидетельствуя о трансцендировании, способствует выстраиванию личного вектора развития на основе ценностей.

Пройдя через всю историю человечества, миф трансформировался, чему свидетельствуют современные мифизации. Они усугубляют потерянность и одиночество личности в бытии. Человек, не различая границ между действительным и фантазийным, начинает верить в реальность мифизаций, в их воображаемую событийность, но теряет способность смысложизненных поисков и возможность трансцендирования. Даже отдавая отчет в безумности своей веры, индивид продолжает продуцировать мифизации и доверять им в своем бытийствовании. Следование клишированным содержательным элементам в мифизациях, в которых отсутствуют событийность и пограничные ситуации, приводит к разрушению уникальности мифа как экзистенциала и самобытности экзистенциального опыта индивида, что поддерживает кризисность в современности. Мифизирующая личность теряет способность к смысложизненным поискам, пере(про)живанию пограничных ситуаций, трансцендированию, саморазвитию, конструированию Я и ответственности за собственную жизнь. Перечисленное говорит в пользу недолговечности мифизаций, их деструктивной роли в жизни личности, что ставит проблему возврата к реальности и ее действительного проживания со всеми пограничными ситуациями. Только подобная жизнь сможет стать источником позитивного личного мифа,

выстраиваемого на основе реального жизненного опыта и внутренней духовной работы над собой.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 532 с.
2. Знаков В.В. Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 105–119.
3. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт: переживание пути и становление структуры // *Вопросы философии*. 2013. № 7. С. 63–72. URL: http://vphil.ru/index.php?id=794&option=com_content&task=view (дата обращения: 1.03.2021)
4. Левинас Э. От существования к существующему // Левинас Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7–65.
5. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
7. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2012. 448 с.

References

1. Gegel' G.V.F. *Filosofiiā religii* [Philosophy of Religion]. V 2 t. M.: Mysl', 1976. T. 1. 532 s.
2. Znakov V.V. *Tezaurusnoe i narrativnoe ponimanie sobytiĭ kak problema psikhologii chelovecheskogo bytiā* [Thesaurus and Narrative Understanding of Events as a Problem in the Psychology of Human Existence] // *Metodologiiā i istoriā psikhologii*. 2010. T. 5. Vyp. 3. S. 105–119.
3. Kasavina N.A. *Ėkzistentsial'nyĭ opyt: perezhivanie puti i stanovlenie struktury* [Existential Experience: Experiencing the Journey and Becoming a Structure] // *Voprosy filosofii*. 2013. № 7. S. 63–72. URL: <http://vphil.ru/index.php?id=794> (data obrashcheniā: 1.03.2021)
4. Levinas Ė. *Ot sushchestvovaniā k sushchestvuiushchemu* [From Existence to Existing] // Levinas Ė. *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe*. Moscow; Sanct-Petersburg: Universitetskaĭ kniga, 2000. S. 7–65.
5. Mamardashvili M.K. *Moĭ opyt netipichen* [My Experience is Atypical]. Sanct-Petersburg: Azbuka, 2000. 400 s.
6. Īaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Moscow: Respublika, 1994. 527 s.
7. Īaspers K. *Filosofiiā. Kniga vtoraiā. Prosvetlenie ėkzistentsii* [Philosophy. Book Two. The Enlightenment of Existence]. Moscow: Kanon , 2012. 448 s.

Сведения об авторе:

Яковлева Елена Львовна

профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова», доктор философских наук, доцент (г. Казань, Россия).

E-mail: mifoigra@mail.ru

Bionotes:

Iakovleva Elena Ludvigovna

Head of the Department of Philosophy and Social and Political Disciplines,
Timiryasov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Candidate of
Culturology, Professor (Kazan, Russia).

Для цитирования:

Яковлева Е.Л. Миф как экзистенциал человеческого бытия // Мифологос.
Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 32–
39

For citation:

Iakovleva E.L. Myth as the Existential of Human Existence // Mythologos.
Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 32–39